

You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Predstavlenie o nasekomyh v azykovom soznanii polakov i russkih

Author: Maciej Val'cak

Citation style: Val'cak Maciej. (2011). Predstavlenie o nasekomyh v azykovom soznanii polakov i russkih. W: P. Czerwiński, E. Straś (red.), "Słowo i tekst. T. 3, Mentalność etniczna i kulturowa" (S. 99-106). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

Мачей Вальчак
Катовице—Сосновец

Представление о насекомых в языковом сознании поляков и русских

Мир живой природы испокон веков был тесно связан с жизнью человека. Не случайно названия, относящиеся к природе и связанным с ней явлениям, составляют достаточно обширную группу в лексическом составе русского и польского языков. Богатство форм флоры и фауны отражается в языке на разных его уровнях, в том числе на уровне словообразования, ономазиологии и номинации. В связи с предметом статьи необходимо объяснить само понимание и значение лексемы *насекомые* с точки зрения наивной и научной картин мира, поскольку они в них не совпадают. Для этой последней *насекомые* — это класс (или надкласс) животных существ типа членистоногих, характерными признаками которых являются три пары членистых конечностей (ног) и сегментированное тело¹. Таким образом, научная картина мира определяет насекомых как животные существа, в то время как наивная не включает их в мир животных. Животные для нее — только млекопитающие. Е. Шмелева и А. Шмелев отмечают, что в бытовом языке животными называются живущие на суше четвероногие живые существа. В то время как категорию *насекомые* составляют мелкие живые существа с несколькими парами ног². В связи с чем в обыденном языке пауки также считаются насекомыми, хотя на самом деле к таковым не относятся и принадлежат к классу паукообразных. Следует добавить, что в народном представлении насекомые часто сближаются с гадами, особенно со змеями (сходство внешнего вида и

---

¹ См.: *Биологический энциклопедический словарь*. Ред. М.С. Гиляров. Москва 1989, с. 393.

² Е. Шмелева, А. Шмелев: *Русская наивная биология* <http://www.unc.edu/depts/seelrc/2002abstracts/shmelevturkuabs.pdf>

способа передвижения)³, а также функционально с птицами (способ передвижения). Таким образом, в русской наивной картине мира понятие *насекомые* имеет довольно широкое представление. В польском языке гипероним *owady* относится главным образом к летающим насекомым, хотя с научной точки зрения он включает как летающих, так и бегающих. Эти последние в наивной картине мира часто определяются как *robaki*. Хотя *robaki* на самом деле не насекомые, а представители ленточных червей (лентецы, цепни и проч.)⁴. Собирательное существительное *robactwo* обозначает также гадов, змей, ползающих личинок и насекомых как таковых⁵. Тем самым, польская наивная картина подразделяет интересующий нас класс на летающих и бегающих при посредстве лексем *owady* и *robaki*, хотя границы между ними довольно зыбки. В разговорном польском языке словом *robaki* определяется часто любое неизвестное говорящему насекомое, независимо от того, летающее оно или бегающее.

Определенные различия в представлении интересующих нас существ прослеживаются уже в гиперонимах: *owad* / *насекомое*. Для того чтобы более наглядно это увидеть, необходимо сослаться на этимологию названных лексем. Согласно этимологическим словарям русского языка⁶, лексема *насекомое* греческого происхождения: *έντομον* ← *έντομή* (*надрез*; совр. гр.: *έντομο* 'насекомое'). Слово это было калькировано латынью (*insectum*), затем из латинского языка попало во французский, а оттуда, также в виде кальки, в русский язык. В русском языке это слово известно с XVIII века⁷. Поскольку лексема *насекомое* является калькой, мотивация этого слова также «калькирована». Мотивирующим словом выступает глагол. Возможно, что в греческом языке интересующая нас лексема также мотивируется глаголом — *εντέμνω* ('режу, секу'). Основой ассоциации в этом случае было членистое, как бы насеченное, строение тела этих существ. Таким образом, лексема *насекомое* по сути заимствованная, так как калькирование является одним из способов заимствования слов. Стоит также отметить, что интересующая нас лексема является общеупотребительной, хотя представляет собой также научный термин. Что касается семантики *насекомого*, то это слово обозначает носителя признака, являющегося результатом действия (*насекать* →

³ А.В. Гура: *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва 1997, с. 372.

⁴ См.: *Биологический энциклопедический словарь*. Ред. М.С. Гиляров. Москва 1989, с. 315—316.

⁵ А.В. Гура: *Символика животных...*, с. 372.

⁶ М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. Москва 1971, с. 47; *Этимологический словарь русского языка*. Сост. А. Преображенский. Т. 1. Москва 1910—1914, с. 594; Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская: *Краткий этимологический словарь русского языка*. Ред. С.Г. Бархударов. Москва 1975, с. 284.; Г.П. Цыганенко: *Этимологический словарь русского языка*. Киев 1970, с. 283.

⁷ П.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь русского языка*. Т. 1. Москва 1993, с. 560.

насекомое). Иначе говоря, в семантике лексемы *насекомое* отражается процессуальный признак. Польский гипероним *owad* в отличие от русского гиперонима представляет собой исконное слово. А. Брюкнер предполагает, что эта лексема происходит от слова *ob-wad*, мотивированного глаголом *wadzić* 'мешать' (домашнему скоту)⁸. Как нам представляется, возможной является и мотивация слова *owad* именем прилагательным *obły* 'овальный, округлый', образованным от корня *obwl (тот же корень наблюдается в русском *облако* от *обвлаго*; ср. также польское *obleńce*). В русском языке существует родственная по корню лексема *овод*. Этимологический анализ этой лексемы в словаре М. Фасмера⁹ не полностью совпадает с толкованием А. Брюкнера. Оба автора отмечают, что исходной формой этого слова в славянских языках была упомянутая лексема *obvadъ. Но М. Фасмер трактует это слово шире и приходит к выводу, что *овод* представляет собой сложение *ov-odos 'едящий овцу'. Если принять, что *owad* мотивирован глаголом *wadzić*, интересующее нас слово будет представлять собой отглагольный дериват, возникший в результате морфологической (словообразовательной) мотивации. Оба слова при этом отличаются корневыми гласными *o* и *a*: *овод* и *owad*. Наличие звука *o* в русском гиперониме вместо *a* П.Я. Черных предлагает объяснять влиянием народной этимологии. *Овод*, по его мнению, возник в результате контаминации с глаголами *водить*, *обводить* (*овод* обыкновенно не нападает на животное в одиночку, а скопом, «обводит» его, окружает)¹⁰. Таким образом, относительно гиперонимов *насекомое* и *owad* можно сделать вывод о том, что польское слово в качестве мотивирующей основы предполагает совершаемое действие и содержит процессуальный признак. Русская лексема мотивирована внешним видом и называет носителя признака.

Насекомые в народном представлении поляков часто воспринимаются как нечистые существа. Поэтому на них часто налагается табу. А. Кравчик-Тырпа отмечает, что табуизация насекомых и замена их названий эфемизмами происходит по причине стыда, вызванного присутствием этих существ в непосредственной близости человека, что свидетельствует о его неопрятности, неряшливости, а также о нищете. Сказанное касается не всех насекомых, но прежде всего блох, вшей и клопов¹¹. Именно эти насекомые в народном представлении наиболее ассоциируются с отсутствием гигиены. Названные насекомые подобным образом отражены в сознании русских. К группе нечистых — в смысле дьявольских — насекомых нередко причисляется оса. В сознании русских и поляков это существо, которое наносит вред человеку. Отрицательные коннотации осы обнаруживаются и во фразеологических выражениях *злой как оса* / *zły jak osa*. Этому насекомому противо-

⁸ A. Brückner: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa 1989, s. 387.

⁹ М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3..., с. 114.

¹⁰ П.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь...* Т. 1, с. 591.

¹¹ А. Krawczyk-Тырпа: *Tabu w dialektach polskich*. Bydgoszcz 2001, с. 209—212.

поставляется пчела. Она наделена очень богатым набором положительных черт, к тому же обладает сакральной символикой. Как отмечает У. Мовна¹², по народному представлению, пчела является чем-то вроде посредника между богом и человеком, поскольку снабжает людей воском, из которого делаются затем церковные свечи. Божественный характер пчелы отражается и в других ее названиях — *божья птичка, божья муха*¹³. Восприятие пчелы как отмеченного божественным существа свойственно и другим западно-европейским традициям. Пчела — это не только полезное насекомое, но и существо, обладающее способностями предвидения. Вера в умение пчелы предсказывать будущее особенно ярко проявляется в ее онейрической символике. Чаще всего она снится к смерти, но также к богатству (пчелиный рой). Как в русском, так и в польском языковом сознании прочно закреплен образ пчелы как трудолюбивого существа. Это заметно во фразеологизмах *трудолюбивый, прилежный как пчела, как пчелка / pracowity jak pszczola*. Как святое существо воспринимается и божья коровка. Относительно мотивации лексемы *biedronka* существует два мнения. Первое предполагает, что этот энтоним восходит к праславянскому слову **vedro* ‘pogoda’¹⁴. С помощью „божьей коровки гадали о погоде, отсюда и ее диалектное название *pogodynka*. Иную версию предлагает Т. Крушона: *biedronka* мотивирована названием пятнистой коровы — *biedruna*, что связывается с мотивом основного мифа; *biedronka nazywana bywa bożą krówką, czyli krówką (biedrunką), która sfrunęła z nieba*”¹⁵. В польском языке (особенно в диалектах) это насекомое часто называли собственными именами типа *petrunka, petronelka*. В Будзисевска считает, что эти названия восходят к лексеме *biedronka*, которая в говорах легко подвергается народной этимологии и изменениям¹⁶. Другие названия этого насекомого мотивируются лексемами, относящимися к растениям: польск. *jablonka, makówka*. Эти названия также связываются с основным мифом, а точнее, мотивом небесной свадьбы. Растения (*jablonka, makówka*) передают эту свадебную реалию и являются свадебно-поэтическими эпитетами невесты. В русской народной традиции божью коровку называют *коробка, корбочка*. За мотивировкой этих лексем стоит упомянутое гадание о погоде, а также об урожае и женихе, во время которого использовался специальный сосуд (*коробка*). Названия божьей коровки в польском и русском

¹² У. Мовна: *Бджола у традиційних уявленнях українців та болгар: порівняльна характеристика*. В: *Проблеми слов’янознавства*. Вып. 53. [2003 г.], с. 87—94. <http://www.francko.lviv.ua/page/n53.html>.

¹³ Также в польском языке: *boże robaki*. Шире об этом: А. Кравczyk-Турга: *Tabu w dialektach...*, с. 105—106.

¹⁴ W. Budziszewska: *Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej*. Wrocław—Warszawa—Kraków 1965, с. 160.

¹⁵ Т. Крушона: „*Mydło, gruszki i badziewie*”. „Gazeta Wyborcza”, 23.02.2007, с. 25.

¹⁶ W. Budziszewska: *Słowiańskie słownictwo...*, с. 159.

языках, таким образом, имеют общие корни, с одной стороны, как названия, мотивированные мотивами и персонажами основного мифа, с другой же, они специфичны и национальны, будучи связаны с собственными традициями.

Лексемы *бабочка*, *душечка* можно считать словами с уменьшительно-ласкательным значением. Относительно мотивации *бабочки* не существует единого мнения. Обычно лексема производится от существительного *бабка* или *баба*¹⁷. Название связано с древними представлениями, согласно которым умершие предки посещали земной мир в виде бабочек. Само название восходит к праславянскому слову **baba*, которое является одним из обозначений предков. А. Гура предполагает¹⁸, что эта лексема может иметь значение 'колдунья, ведьма'. По другим верованиям, в виде бабочки отлетала душа из тела покойника. Поэтому в народе иногда называют это насекомое *душечкой*. Впрочем, такое представление об этом насекомом свойственно и другим культурам, напр. греческое слово *ψυχή* обозначает, между прочим, душу покойника и бабочку.

Насекомые функционируют в языковом сознании (особенно в русском) как существа, которым свойствен небольшой размер, за счет которого они способны проникать в труднодоступные места. Именно эта их особенность часто ложится в основу метафорических определений людей: *жучок* — мелкий вор, *маленький с букашку* — о ком-нибудь очень маленьком. Кроме того, их присутствие часто скрытно, неявно. Этот признак можно обнаружить, как представляется, в русской лексеме *жучок* — в значении подслушивающего устройства и польском *pluskwa* в том же значении. Насекомые фиксируются в сознании также как существа, оказывающие негативное воздействие на человека или вызывающие странное поведение, попадая внутрь его тела — *тараканы в голове*, *мухи в голове*, *с мухами в носу*, в польском — *mieć tuchy w nosie*, *mieć robaki w tyłku*. Чаще всего насекомые воспринимаются как паразиты, как прожорливые и ненасытные существа. Свидетельством тому могут быть фразеологические выражения *прожорлив как саранча*, *пожирать как саранча*, *наестся / насосаться как клоп*, *opić się / najeść się jak bąk*, *żarłoczny jak szarańcza*. Следующей характерной чертой насекомых, находящей свое отражение в языковом сознании, является издаваемый ими звук. Малый размер насекомых и свойственная большинству из них подвижность часто не допускали возможности основательно к ним присмотреться. Поэтому они часто оставались незаметными. О присутствии насекомых человек узнавал по издаваемым ими звукам. В связи с этим ономазиологическая основа многочисленных энтомонимов приобретала акустический характер. Подтверждением могут быть названия: русские *жук*, *жуужжало*, *журчалка*, *жуужелица*, *жуужг*, *жуужга*, *гимзя-гимзей*, *хрущ*, *хрущик*, *пчела*, *щелкун*, *скри-*

¹⁷ Ср.: П.Я. Черных: *Историко-этимологический словарь...* Т. 1, с. 62—63.

¹⁸ А.В. Гура: *Символика животных...*, с. 499.

пун, стрекоза, бучень, бака, бонки, бука, букан, буканчик, букара, букараха, букарашка, букирица, букаха, сверчок, польские *bucz, furczak, bzyg, bzygun, zgrzytnica, brzęczak, chrabąszcz, chrząszcz, trajkotka, pszczoła, bąk, trzyszcz, tykotek, tycz, zgrzypik, żuk, świerszcz*. Эта характерная черта бытия насекомых отражена в языке очень выразительно, что наблюдается не только в самих названиях, но и в устойчивых оборотах с ними, особенно в русском языке: *жуужжать / гудеть над ухом у кого как комар, как имель, как ночной жук, как пчела*, польские: *brzęczec komuś nad uchem*. Насекомые, следовательно, воспринимаются как существа, издающие звук. Названный признак отразился также в польском гиперониме *robak*. Польское слово *robak* по сути звукоподражательно. Чтобы наглядно увидеть это, необходимо проанализировать первоначальный вариант этого слова — *chrobak*, от которого далее происходит *robak*¹⁹. *Chrobak* объясняется как дериват от слов *chrobotać* (*шуршать*), *chrobot* (*шорох*). Корень *chrob-* имеет также варианты *skrob-*, *skreb-*²⁰, что видно в диалектной моравской форме *škrobak*. Наряду с мнением о том, что *(ch)robak* является звукоподражательным словом, существует другое, менее вероятное. Согласно ему лексема *(ch)robak* восходит к слову *grobak*, которое мотивируется словом *grzebanie, grzebać*²¹. Однако не до конца известно, в каком значении — или *grzebanie, grzebać* в значении ‘похороны, хоронить’, или *grzebanie, grzebać* как ‘рыться’. Как нам представляется, второй семантический вариант является более вероятным. Одновременно он характеризует насекомое с точки зрения совершаемого им действия (роется), указывая непосредственно на место его обитания — землю (*grobak* — тот, который роется в земле) или могилу — *grób* (*grobak* — то, что обитает в могилах). Серьезные сомнения вызывает начальное *g*, которое будто бы превратилось впоследствии в *h* — *hrobak* и от этого *chrobak*. Но если даже не различать на уровне произношения звуков *h* [ɣ] и *ch* [χ], то этимологически это два разных звука. Гипотеза, согласно которой *grobak* → *hrobak* — вариант слова *chrobak*, с фонетической точки зрения, тем самым, не представляется убедительной. Более правдоподобно первое объяснение, согласно которому *robak* мотивируется звукоподражательным глаголом *chrobotać*. Этимологии слова *комар* уделяет внимание в своей статье А. Лавриненко²². По ее мнению, слово *комар* этимологически не является звукоподражательным, но содержит несколько семантических компонентов: (1) скученность, множество, масса способных к раздроблению частей; (2) масса темная по цвету; (3) масса, связанная с движением; (4) масса, связанная с действиями типа «колоть, резать». Автор

¹⁹ K. Nitsch: *Robak (i gadzina)*. W: Tenże: *Studia z historii polskiego słownictwa*. Kraków 1948, s. 116.

²⁰ Там же, с. 117.

²¹ Там же, с. 117.

²² А. Лавриненко: **Ком как комар*. В: *Język rosyjski w konfrontacji z językami Europy w aspekcie lingwokulturoznawczym*. Red. P. Czerwiński, H. Fontański. Katowice 2004, с. 55.

замечает, что все эти семантические компоненты характеризуют также мух, мошек, тлей, муравьев, главной особенностью бытования которых является скученность и множество.

Перечисленные в статье представления о насекомых в польском и русском языковом сознании составляют лишь небольшой набор черт этих существ, зафиксированных языком. Несмотря на налагаемое на насекомых табу, они очень многосторонне отражены в языке. Хотя насекомые часто воспринимались как нечистые существа и избегались, богатство их мира и постоянная связь с человеком не могли не найти отражения в языке. На основании анализа небольшого фрагмента энтомологической лексики польского и русского языков можно сделать вывод о том, что в представлении русскоязычных насекомых воспринимаются как существа, которым свойствен, главным образом, небольшой размер, а также прожорливость и ненасытность. Для польского представления свойственно восприятие данных существ как нечистых и связанная с этим их табуированность. Общими как для польской, так и русской картины мира являются сакральная и обрядовая символика насекомых, а также представление о них как о существах, главной экзистенциональной особенностью которых является скученность и издаваемые ими звуки.

Своего продолжения в лингвистической литературе ждет фразеология, связанная с насекомыми, особенно в польском языке. Именно эта часть польской фразеологии разработана пока, насколько нам известно, недостаточно основательно, тем более в сопоставительном плане.

Maciej Walczak

Obraz owadów w świadomości językowej Polaków i Rosjan

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest porównawczej analizie niewielkiego fragmentu polskiej i rosyjskiej leksyki entomologicznej z perspektywy świadomości językowej Polaków i Rosjan. Autor dochodzi do wniosku, że w świadomości Rosjan owady funkcjonują jako istoty, których charakterystycznymi cechami są niewielki rozmiar oraz żarłoczność. Z kolei polska świadomość językowa odbiera owady jako stworzenia przede wszystkim nieczyste. Wspólną cechą świadomości językowej obu narodów jest postrzeganie owadów jako istot wytwarzających określone dźwięki i egzystujących w skupiskach.

Maciej Walczak

The image of insects in linguistic consciousness of Poles and the Russians

Summary

The article is devoted to the contrastive analysis of a short fragment of the Polish and Russian entomological vocabulary from the perspective of linguistic consciousness of both Russians and Poles. The author reaches the conclusion that in the linguistic consciousness of a Russian insects function as a creature whose characteristics are small size and voraciousness. For a Pole, on the other hand, insects are most of all as dirty. The common feature of linguistic consciousness of both nations is perceiving insects as creatures producing particular sounds and existing in gatherings.